

ИСТИННЫЙ ГОЛОС А М Е Р И К И

Я думаю, что даже в те далекие дни, когда упрямый генуэзец Христофор Колумб открыл в океане новую землю, неведомую доселе людям, человечество поначалу меньше было взволновано этим событием, чем тем огромным, что происходит сейчас на открытой им земле. И это понятно: от «большой встречи», начало которой положено в Вашингтоне, зависит очень многое в жизни каждого человека на нашей планете.

Мы, группа советских режиссеров, писателей и художников, недавно вернулись из поездки по Соединенным Штатам. Мы были там накануне визита высокого советского гостя и, встречаясь с множеством самых различных людей, с глубоким удовлетворением услышали, наконец, истинный голос Америки, голос уставших от «холодной войны» американцев, голос дружбы, который прозвучал сегодня от Нью-Йорка до Сан-Франциско, от Атлантического до Тихого океана, приветствуя мирные предложения главы нашего правительства.

Вспоминая стихи великого американского поэта Генри Лонгфелло, можно сказать, что этот «величественный голос, голос, шуму вод подобный, шуму дальних водопадов», начисто заглушает отдельные провокационные «голоса с балконов», которые подобно тому, как это было во время выступления Н. С. Хрущева в Экономическом клубе Нью-Йорка, тщетно пытаются помешать делу мира.

Так же, как и в гениальной поэме Лонгфелло «Песнь о Гайавате», написанной более ста лет тому назад, этот голос и сегодня, обращаясь к «вождям племен», настойчиво напоминает:

«Ваша сила — лишь в согласье,
А бессилие — в разладе,
...Смойте краски боевые...
Закопайте в землю луки,
Трубки сделайте из камня...
Закурите Трубку Мира...».

Лучшие сыновья Америки, имена которых глубоко чтит американский народ, всегда мечтали о мирном содружестве наций...

Мы шли по прямой, торжественной магистрали, ведущей от Капитолия к Белому дому, шли мимо прекрасных деревьев и памятников президентам, переходя от обелиска Вашингтона к изваяниям Томаса Джефферсона и Авраама Линкольна, и всюду со стен мраморных надгробий доносился к нам, сквозь века, человеколюбивый голос великих американцев.

На стене храма Линкольна мы прочли высеченные на камне слова из его прозорливого обращения к народу в Геттисберге, в котором он говорит об обязанностях правительства сделать все, «чтобы люди не исчезли с лица земли».

Мы шли дальше по Вашингтону и внезапно останавливались, пораженные кричащим диссонансом, который вносил в ансамбль города здание Пентагона — Военного министерства Соединенных Штатов; в непосредственной близости от него находится огромное национальное кладбище американских солдат. Какое символическое и печальное соседство!

С особым чувством мы подъезжали к Гайд-парку близ Нью-Йорка, где на берегу Гудзона, в старомодном трехэтажном доме своих предков, родился Франклин Делано Рузвельт — выдающийся государственный деятель США, убежденный друг новой России. Здесь же, в тенистом «Саду роз», он и похоронен, согласно своему желанию. В этом доме всегда можно увидеть толпы людей. Память о Рузвельте живет в сердцах миллионов американцев...

Но, как бы красноречиво ни «говорили» с нами памятники, все же подлинный голос страны можно услышать, лишь разговаривая с людьми. Наша поездка, целью которой было знакомство с художественной и главным образом театральной жизнью Америки, была полна самых различных и примечательных встреч. И нужно сказать, что где бы ни происходили эти встречи — на приеме в доме миллионера или в маленьком дорожном «мотеле» для автомобилистов, во время репетиций, в кругу наших коллег по искусству или на пароходике, плывущем в воскресный день по Гудзону, в ходе бесед со знаменитыми писателями и «звездами» Голливуда или в случайно вспыхнувшем разговоре на дороге, с фермером или шофером такси, с лифтером отеля, с продавцом магазина или просто с незнакомым человеком на улицах Нью-Йорка и Вашингтона, Чикаго и Бостона, — всюду, если наши собеседники обладали доброй волей и здравым смыслом, можно было найти с ними общий язык и понимание того, что мы отлично можем жить в мире, соревнуясь друг с другом.

Все нетерпеливо ожидали приезда Н. С. Хрущева, все жадно интересовались особенностями жизни в нашей стране. Многие пылко и тревожно задумывались над будущим и горячо желали крутого поворота к лучшему.

Один из очень богатых людей Америки, президент Ассоциации американского национального театра и академии, убежденный сторонник культурного сотрудничества с Россией г-н Роберт Даулинг рассказывал нам об одном из своих проектов, который он осуществляет в настоящее время в общественном парке близ Нью-Йорка. Он хочет построить огромный фонтан с могучими струями огня и воды, а в возникающих облаках пара поместить модель маленького зем-

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

ного шара, чтобы люди воочию увидели, смотря на этот «космический фонтан», как мала в общем земля, как близко мы все живем друг к другу, и как неразумно нам ссориться и враждовать, ибо все мы в сущности «земляки», жители одной планеты «Земля». Затем г-н Даулинг, как принято говорить в Америке, — «бесприбыльное» предприятие; им руководит одно лишь желание: поделиться своим реалистическим пониманием мира с соотечественниками.

Разные бывают миллионеры, разные встречаются и «кинозвезды». Американская пресса давно присвоила знаменитой Мэрлин Монро двусмысленный титул «секс-бомбы № 1». А когда мы встретились с этой изящной женщиной в доме маститого режиссера Ли Страсберга, она оказалась весьма неглупым собеседником и точно так же, как и другая известная голливудская актриса Дженифер Джонс, проявила большой интерес к нашему искусству и понимание насущной необходимости культурного обмена.

Особенно легко было найти общий язык с нашими коллегами по театру. Всем им хорошо известно имя Станиславского, и они не только высоко чтят, но и внимательно изучают театральные идеи и практический метод работы актера, созданный гениальным режиссером советского театра.

Вспоминается утро, проведенное нами на репетиции режиссера Девида Росса в маленьком театрике «Вне Бродвея». Репетировались «Три сестры» А. Чехова, и хотя милые чеховские сестры говорили в это утро в Нью-Йорке на чужом языке, они были нам по-особому дороги и близки. После репетиции мы долго говорили с актерами об особенностях чеховского театра, охотно делились «секретами» постановок пьес Чехова на советской сцене. Наши коллеги справедливо отмечали близость к чеховской манере искусства ряда американских писателей — Хемингуэя, Сарояна, Хелмана.

Совершенно очевидно, что люди, собравшиеся в то утро в театре, по-разному понимали социальные и политические проблемы, но это отнюдь не мешало нам сердечно и откровенно говорить о нашем «общем Чехове» или «общем Хемингуэе».

С такой же горячей взаимной заинтересованностью беседовали мы в Нью-Йорке с молодым режиссером Джозефом Паппом и о нашем «общем Шекспире». Мы были искренне рады, что этот настойчивый пропагандист Шекспира с помощью многих тысяч ньюйоркцев одержал недавно большую победу, отстояв бесплатные представления шекспировского «Юлия Цезаря» в Централ-парке Нью-Йорка. Демократический зритель Америки проголосовал за Шекспира, против комиксов, гангстерских фильмов и грязных бурлесков.

С огромным вниманием слушали деятели американской сцены наши рассказы о принципах советского театра. Все было новым и удивительным для них. У нас жизнь театральной труппы исчисляется, как правило, многими десятилетиями, а иногда переваливает и через столетия. В Америке труппа создается только лишь на одну пьесу и живет от трех месяцев до трех лет, пока «товар» имеет сбыт на бродвейском рынке. У нас государство субсидирует театр, а в Америке все зависит от «ангелов» — да, да от «ангелов» — так называют в США богатых меценатов, делающих большие вклады в театральные дела.

«В Москву, в Москву, в Москву», — шуточно, приветствуя нас, повторял известную фразу из чеховских «Трех сестер» Дэвид Росс, и в этой шутке был большой смысл.

Совсем особые, ни с чем не сравнимые встречи были у нас с нашими друзьями, членами Чикагского совета американо-советской дружбы, когда в уютном доме председателя совета Мандела А. Термана среди картин Рокуэлла Кента встретились мы с чикагскими рабочими и студентами, клерками и ветеранами войны, когда под гитару пели американские и русские, негритянские и испанские песни и пылкий Джозеф Половский, вспоминая дни братания советских и американских солдат на Эльбе, говорил о том, какие горячие надежды возлагает народ Америки на «большую встречу» в Вашингтоне и Москве.

В маленьком «мотеле», где пришлось ночевать, направляясь в штат Кентукки, мы встретили семью, которая спешила на свадьбу своего сына. Для того чтобы эта молодая пара была счастлива, им нужен мир.

Режиссер Роберт Уайтхет увлечен сейчас созданием первого репертуарного национального театра в Нью-Йорке, театра, — и это большая сенсация, — который каждый вечер будет играть разные пьесы. Для успеха его благородного дела ему нужен мир.

Актер Моррис, исполнивший на фестивале в Бардстауне роль известного народного композитора-певца Фостера, пришел провозгласить нас с женой и своим маленьким сыном. Для того чтобы у Джима Морриса-младшего была счастливая судьба, нужен мир!

Американский театр и кинематограф, так же как и их зрители, все чаще и чаще задумываются над человеческой судьбой, над тем, что ждет в будущем людей на земле. На опаленном вакханалией разноразноцветного электричества Бродвея боевиками являются сегодня не только эффектные музыкальные ревию и комедии, на которые американцы большие мастера, но и серьезные философские пьесы. Правда, часто их философия вызывала в нас желание спорить и не соглашаться с тем, что утверждалось на сцене. Так было, например, на спектакле нашумевшей философ-

ской пьесы Арчибалда Макклиша «Дж. Б.». Это переделанная на современный лад история библейского Иова, потерявшего, как известно из Библии, все в жизни — детей, богатство, здоровье, но все-таки сохранившего свою веру.

Война и современные катастрофы, порожденные жизнью большого капиталистического города, уносят у Дж. Б. детей. Он разоряется. Он смертельно болен. И все-таки, отвергнув все утешения философии и церкви, он зажигает в финале спектакля, в полном одиночестве, свет жизни, как бы говоря этим, что принимает жизнь такой, какая она есть, со всеми ее войнами и катастрофами. Принять жизнь вопреки всему — это, конечно, много. Но это одновременно и очень мало! Принять жизнь, отказавшись от борьбы за то, чтобы она была лучше, пассивно принять «жизнь в одиночку», принять ее даже с таким безумием, как война, не восставая против нее, — нет! Даже некоторые актеры, исполняющие эту пьесу, говорили нам, что, играя ее, они тем не менее не согласны с такой концепцией.

В заключение — еще один пример: в один из дней в Нью-Йорке нам показали фильм, который только что закончен и вскоре должен выйти на экраны Америки. Фильм этот, поставленный по роману писателя Невелы Шуда «На берегу», пытается представить мир таким, каким бы он выглядел, если бы совершилось величайшее безумие и произошла атомная война между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Фильм отбрасывает нелепую версию войны, которая дана в романе, и говорит о бедствии, которое произошло бы потому, что у кого-то не выдержали нервы и кто-то сбросил первую бомбу.

Итак, мир после войны!
Америка мертва, говорят американские создатели этой картины. Плывут по экрану пустые города. Все живое погибло. Единственный оазис жизни сохранился где-то в Австралии. Там рождаются дети, влебаются, ревнуют, грустят, занимаются какими-то бытовыми хлопотами, даже пытаются развлекаться, но все это «пир во время чумы», ибо и туда, в Австралию, должна через три месяца дойти волна смертельной радиации; жизнь скоро прекратится и на этом континенте. Неожиданно откуда-то из района мертвого Сан-Франциско радиостанция Австралии начинает принимать какие-то странные сигналы, которые никто не может расшифровать. Неужели там сохранилась жизнь? Экспедиция на подводной лодке отправляется в зараженные воды океана, чтобы раскрыть тайну этих сигналов. Наконец лодка у цели; одетый в скафандр разведчик выходит на берег. Вот он идет по прекрасному пустому городу. Тишина. Он входит в здание электростанции. Вот и прибор, посылающий загадочные сигналы в мир: оказывается, на передаточный аппарат упала пустая бутылка из-под кока-кола, ритмично покачиваясь, она ударяет по ключу. Сняли бутылку — и снова тишина. Это страшно и сильно, единственная, случайно уцелевшая бутылка кока-кола создавала иллюзию жизни на американской земле. Экспедиция возвращается. Наступает короткая пора счастливых эпизодов в жизни героев, но вот заболевает лучевой болезнью один человек, второй, третий...

Под трагический марш движутся к мэрии люди, чтобы получить снотворное и без мучений уснуть навсегда. Прощаются молодожены, засыпают дети, снова плывут по экрану пустые города. И только ветер колыхнет флаг армии спасения. На флаге написано: «Братья! Еще есть время!».

Так представляют себе масштаб возможной катастрофы сами американцы.

В этом фильме войну начинает не Советский Союз и не Америка — так случилось! Это не попытка кого-то запутать, это — тревожное раздумье и предостережение. Можно спорить о многом с автором романа и создателями фильма, но их тревога за будущее человечества глубока и серьезна.

Вот почему с такой надеждой и сердечной верой в лучшее будущее встречает сейчас американский народ главу Советского правительства, вот почему простые американцы с воодушевлением поддерживают предложения Н. С. Хрущева о полном и всеобщем разоружении.

В самый канун отлета Н. С. Хрущева в Америку советская космическая ракета прилунилась (как быстро вошло в обиход это неслыханное слово!) в районе «моря Ясности». Горячо приветствуя «большую встречу», народы мира хотят верить, что недалеко уже то время, когда ясность и спокойствие вопарятся, наконец, на земле.